

Константин
Александрович
ПАХАЛЮК

канд. полит. наук (МГИМО),
главный специалист — куратор
научно-просветительских
проектов Российского военно-
исторического общества

«НАДО КОНЧАТЬ С ВОСТОЧНОЙ
ПРУССИЕЙ»: К ВОПРОСУ
ОБ ОПЕРАТИВНОМ РУКОВОДСТВЕ
ВОСТОЧНО-ПРУССКОЙ ОПЕРАЦИЕЙ 1914 г.

Аннотация. В статье на основе вновь привлеченных архивных документов рассматриваются особенности оперативного планирования и руководства Восточно-Прусской операцией, ключевое внимание уделяется роли Ставки Верховного Главнокомандующего, деятельности штаба Северо-Западного фронта, а также личным отношениям между командующими лицами. Корни поражения лежат не только в достоинствах противника, но и в особенностях русского оперативного руководства. Та аналитическая работа, что проводилась до войны, лишь в общих чертах была известна тем, кто отвечал за стратегию и принятие принципиальных решений. С самого начала Ставка находилась в предвкушении победы, прорабатывая планы второго наступления в Германию, но при этом тратя силы и отвлекая внимание на третьестепенные угрозы. Штаб Северо-Западного фронта предпочел играть роль передатчика воли сверху, а наступательным порывом были охвачены не только П. К. фон Ренненкампф, но и первоначально А. В. Самсонов. В ходе проведения операции административно-бюрократическая «покорность», как это часто и бывает, ярким образом дополнялась в переписке то подчеркиванием побед (до Танненберга), то проявлением готовности вести решительное наступление, которое оставалось достоянием телеграмм, ибо мало сопрягалось с реальным положением.

Ключевые слова: Восточно-Прусская операция, Ренненкампф, Самсонов, Ставка.

Вотечественной историографии Восточно-Прусская операция 1914 г., в проведении которой были задействованы три армии Северо-Западного фронта (1-я армия генерала П. К. фон Ренненкампа, 2-я армия генерала А. В. Самсонова и сформированная позднее 10-я армия генерала В. Е. Флуга), является, пожалуй, одним из наиболее изученных эпизодов Первой мировой войны. Основной комплекс исследований сложился в 1920–1930-е гг.¹, в дальнейшем выходили работы, посвященные частным вопросам — от действий отдельных соединений до гуманитарных аспектов². Единственным исключением (если не считать

¹ См. наиболее крупные исследования: *Вацетис И. И.* Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и в начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. М., 1923; Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг.: Русский фронт. Вып. 1. М., 1918; *Коленковский А. К.* Маневренный период первой мировой империалистической войны. М., 1940; *Цихович Я. К.* Стратегический очерк войны 1914–1918 годов. Ч. 1. М., 1922; *Храмов Ф. А.* Восточно-Прусская операция 1914 г. М., 1940; *Иссерсон Г. С.* Канны Мировой войны (гибель армии Самсонова) // Катастрофы Первой мировой войны. М., 2015. С. 13–193; *Радус-Зенкович Л.* Очерк встречного боя по опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г. М., 1921; *Рогвольд В.* Конница 1-й русской армии в Восточной Пруссии (август — сент. 1914 г.). Ленинград, М., 1926; *Евсеев Н. Ф.* Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936; *Эйстрехер-Егоров Р. А.* Гумбинненское сражение (активная оборона в армейской операции). М., 1933.

² См. напр.: *Яманов А. А.* Встречный бой. М., 1959. С. 158–170; *Корсун Н. Г., Харкевич П. Х.* Тактика русской армии в первую мировую войну 1914–1918 гг. // Развитие тактики русской армии XVIII — нач. XX века. М., 1957. С. 264–315; *Аллеев О. Е.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа (1872–1914) // Русский сборник. Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Коле-

ряд объемных публикаций, носящих скорее просветительно-популяризаторский характер¹) стала опубликованная в 2020 г. монография С. Г. Нелиповича, подводящая итог его многолетнему изучению этой операции, с опорой на немецкие источники и акцентами преимущественно на оперативно-тактическом уровне и понесенных потерях². В большинстве фундаментальных исследований 1920–1930-х гг. боевые действия в Восточной Пруссии рассматривались как самостоятельное событие, имеющее внутреннюю логику развития. Изучение оперативных и тактических аспектов происходило в русле объективистского подхода, который был практически нечувствительным к субъективному (личностному) измерению.

В данной статье мы хотим сосредоточить внимание на процессе оперативного руководства операцией и, в частности, прояснить роли Ставки Верховного Главнокомандующего и штаба Северо-Западного фронта в нем. Именно этот вопрос является наиболее дискуссионным, а также порождает различные спекуляции, наиболее ярким выражением которых стал миф о вражде П. К. фон Ренненкампа и А. В. Самсонова, якобы приведшей к поражению³. В основу

ров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. Х. М., 2011. С. 183–260; *Постников Н. Д.* 1-я армия Ренненкампа. Битва за Восточную Пруссию М., 2012; *Дементьев И. О.* Черчилль о Гумбинне: к истории одной цитаты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 93–99; *Генерал Ренненкампф* / Сост., ред., прим. и коммент. Р. Г. Гагкуе при участии Н. И. Богомазова, В. В. Голицына. М., 2017; *Пахалюк К. А.* «Неудобный помощник»: Российское общество Красного Креста на восточнопруссском фронте в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1915 года) // *Время Великой войны: от глобального переустройства до трансформаций повседневности: сборник научных статей* / Отв. ред. И. О. Дементьев. Калининград, 2016. С. 92–121.

¹ *Белаш Е. Ю.* Мифы Первой мировой. М., 2012; *Оськин М. В.* Крах «плана Шлиффена» 1914 г. М., 2019; *Олейников А. В.* Решающая битва Первой мировой: Восточно-Прусская операция 1914 года (4 августа — 2 сентября 1914 г.) // Орловский военный сборник. 2018. № 9. С. 76–104.

² *Нелипович С. Г.* Два похода: борьба за Восточную Пруссию в августе — октябре 1914 года. М., 2020.

³ Разбор мифа см.: *Бахурин Ю. А.* «Вокзал для двоих»: К вопросу о «мукденской пощечине» Самсонова Ренненкампу // Рейтар. 2010. № 51. С. 144–153.

положены документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива: переписка и записи разговоров по прямому проводу между штабом фронта и Ставкой, а также штабами армиями и штабом фронта. Некоторая часть проанализированных материалов не была включена в известный сборник документов «Восточно-Прусская операция», составленный В. Е. Белолипецким в 1939 г. и до сих пор зачастую используемый как единственный источник оперативных документов¹.

Рассмотренные источники позволяют уточнить логику оперативного руководства, а также прояснить роль Ставки, которая не была совершенно пассивной, как это представляется порою. Ее генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов, которого нередко называют ключевым стратегом русской армии в 1914–1915 гг., в мемуарах, опубликованных спустя 10 лет, указывал, что якобы ввиду сложившегося порядка Верховный Главнокомандующий не мог серьезно вмешиваться в работу фронтов и вообще «внимание более привлекал Ю[го]-З[ападный] фронт, где соотношение в силах было не столь выгодным и где поэтому от руководителей требовалось крайнее напряжение волевых качеств»². Мы постараемся продемонстрировать, что в действительности это было не совсем так. Отметим, что особенность переписки такова, что, как правило, по оперативным вопросам главнокомандующий Северо-Западным фронтом Я. Г. Жилинский общался с начальником штаба Ставки Н. Н. Янушкевичем, а начальник штаба фронта В. А. Орановский — с Ю. Н. Даниловым. При этом при передаче указаний нередко звучала ссылка на волю великого князя, который лично не участвовал в этих переговорах, довольствуясь докладами ближайших подчиненных.

¹ Восточно-Прусская операция: сборник документов / Под ред. В. Е. Белолипецкого. М., 1939.

² Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне, 1914–1915. Берлин, 1924. С. 136.

ПЕРИОД СОСРЕДОТОЧЕНИЯ АРМИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Как известно, согласно «плану Шлиффена» немцы планировали основной удар нанести против Франции, в то время как для прикрытия Восточной Пруссии оставляли небольшие силы в виде 8-й армии генерала М. фон Притвица. Ей предписывалось ограничиться активной обороной, разбить русские армии поодиночке, а в случае угрозы окружения — отступить за Вислу. В 1890–1900-е гг. проводились военно-штабные игры, в ходе которых прорабатывался способ действий по отражению наступлений русских армий со стороны рек Неман и Нарев, каждый раз немцы одерживали победу¹.

История русского плана действий в Восточной Пруссии восходит к 1870-м гг., когда был поднят вопрос о стратегическом развертывании в случае потенциальной войны с Австро-Венгрией и Германией. Если в первые десятилетия акцент делался исключительно на обороне, то в 1891 г. (тогда должность начальника штаба Варшавского военного округа занимал А. К. Пузыревский) появились проекты мощного кавалерийского набега для нарушения мобилизации противника, а спустя несколько лет речь шла о наступлении на Нижнюю Вислу. Подобные изменения были вызваны как международным контекстом (русско-французские военные конвенции 1891–1893 гг.), так и активным железнодорожным строительством, уменьшавшим сроки русской мобилизации. Поражение в войне с Японией привело к росту пессимистических настроений и фактическому отказу от наступательных действий, к которым вернулись только в начале 1910-х гг. по мере перевооружения сухопутных сил и дальнейшего железнодорожного строительства. Первым был начальник штаба Варшавского военного округа Н. А. Ключев, в начале 1910 г. он обосновывал возможность мощного концентрического наступления в Восточной Пруссии силами двух армий

¹ См.: *Туполев Б. М.* Подготовка германско-прусским Генштабом военных действий против России в Восточной Пруссии перед Первой мировой войной и сражение под Танненбергом // Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время. Калининград, 2004. С. 115–121.

(одна наступала от Немана, другая — от Нарева, т. е. по западную и восточную стороны Мазурских озер). Фактически эти разработки стали контуром для реального наступления 1914 г., однако о прямом заимствовании говорить не приходится: их автор предполагал, что операция должна начаться на фоне активной обороны против Австро-Венгрии и в случае, если германцы здесь сосредоточат не менее пяти-шести корпусов. Не останавливаясь детально на перипетиях дальнейшего военного планирования (проведение военно-штабных игр, уточнение вероятных опасностей, споры о приоритетах германского и австрийского направлений и пр.), отметим, что к 1914 г. оптимизм Главного управления Генерального штаба продолжал возрастать и фактически речь шла о двух параллельных наступлениях — и против Германии, и против Австро-Венгрии¹.

Значимость подобного рода предвоенных дискуссий состоит прежде всего в более глубоком понимании театра военных действий, потенциальных возможностей и опасностей. Потому вовлечение в процесс военно-штабных игр важнее итоговых записок. Однако основные лица, принимавшие в 1914 г. оперативные решения, а именно генералы Я. Г. Жилинский, А. В. Самсонов и П. К. фон Ренненкампф не были непосредственными их участниками (если не считать апрельскую игру 1914 г.). Из тех, кто лично активнейшим образом принимал участие в дискуссиях о наступлении, только П. И. Постовский занял должность начальника штаба 2-й армии. Генерал-квартирмейстер 1-й армии К. К. Байов присутствовал лишь на соответствующей военно-штабной игре 1911 г. А сам Н. А. Клюев, к слову, быстро разочаровавшийся в успехе восточно-прусского наступления, в 1913 г. был отправлен командовать 13-м корпусом — должность явно недостаточная для влияния на оперативное планирование.

Рассматривая вопрос о предвоенном видении будущей стратегии, мы не можем не обратить внимания на «Записку о силах и вероятных планах наших западных противников», которая за подписью генерал-квартирмейстера Генерального

¹ См. подробнее: *Алпеев О. Е. Указ. соч.*

штаба Ю. Н. Данилова была составлена 10 апреля 1914 г., т. е. менее чем за четыре месяца до начала конфликта. Естественно, особенность данного документа заключалась в попытке учесть многочисленные риски, например, выступление Болгарии (в случае если на стороне России и Франции окажется Сербия), Турции или Румынии (отмечался ее наметившийся дрейф в сторону от немцев)¹. Однако если отбросить эти рассуждения и попытаться понять, каким образом виделась будущая война, то она, несомненно, представлялась как противостояние Германии и Австро-Венгрии с одной стороны, России и Франции — с другой (при потенциальном союзе с Англией). Записка Ю. Н. Данилова не показывает, будто ему был в точности известен план Шлиффена, равным образом он оперирует завышенными данными о количестве германских резервных дивизий (до 50), основываясь, видимо, на подброшенных вражеской разведкой намеренно преувеличенных в несколько раз данных, хотя позднее русские разведчики сумели получить более точные сведения о мобилизационном потенциале Германии². Более того, отсутствует анализ немецких военно-стратегических игр в Восточной Пруссии, хотя о них было хорошо известно в штабе Варшавского военного округа³. Все это ярким образом свидетельствует о том, что получение тех или иных разведанных о противнике вовсе не означает, что они, эти сведения, будут учтены в вышестоящих штабах.

Ю. Н. Данилов напрямую признавал, что «документальных данных о плане развертывания германских армий в нашем распоряжении не имеется; поэтому приходится подходить к наиболее вероятному решению путем ряда рассуждений»⁴. Сам ход рассуждений не менее примечателен, поскольку опирался на популярную тогда теорию рас и национальных характеров: «Первые крупные успехи над немцами, бывшими

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1118. Л. 9–10.

² Алеев О. Е. Указ. соч. С. 214, 231.

³ См. Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Вост. Пруссии. Прага, 1926.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1118. Л. 131 об.

их (французов. — Прим. К. П.) победителями, при известной впечатлительности латинской расы дадут французской армии ту внутреннюю силу и устойчивость, которых ей не вполне достаёт по причинам политических условий внутренней жизни страны. Обратных результатов можно ожидать при неудаче. По словам военных представителей Франции, до исхода первого генерального сражения можно поручиться за полную дисциплинированность армии; выдержит ли эта армия серьёзную неудачу — на это и французы не решаются дать утвердительный ответ. Наоборот, русская армия, опаздывая в своём развертывании, по-видимому, учитывает желательность для себя некоторого решения генеральным боем. Нравственные силы ее не падают при временных неудачах. Русские войска по темпераменту устойчивые и упорные». Попутно заметим, что Ю. Н. Данилов весьма оптимистично смотрел и на возможность затягивания войны, ставя в плюс экономическую неразвитость: «Торговля, промышленность и общая культура во Франции несравнимо выше, чем в России; в предприятия первой вложены огромные капиталы, которые не потерпят продолжительного замешательства в государственной жизни страны. В России, наоборот, хозяйство населения главным образом натуральное, почему война без опасности разорить страну может затянуться долго. Единственно грозным для России может быть прекращение ввоза предметов, необходимых для военных снабжений. Но и в этом же отношении мы освобождаемся от иностранной зависимости с каждым годом все более и более»¹. Другими словами, отсутствие скрупулезного анализа прикрывалось воспроизводством распространенной в определенных кругах социально-политической мифологии, которая уже в первый год войны показала полную несостоятельность.

Впрочем, это не помешало Ю. Н. Данилову сделать основной вывод, что все же первого немецкого удара стоит ждать против Франции, поскольку оставлять там слабые силы для прикрытия невыгодно². Основная угроза виделась

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1118. Л. 132 об.

² Там же.

в ударе севернее Полесья (т. е. на Средний Неман)¹. Уже на 10-й день мобилизации наступать могли немцы, а на 15-й — австрийцы. Тем самым сохранялась вероятность того, что боевые действия на восточном фронте начнутся на русской территории. При этом генерал-квартирмейстер прогнозировал, что если основное сосредоточение войск противника будет за линией Мазурских озер, то это послужит главным индикатором того, что активных наступательных действий он не готовит². Восточная Пруссия рассматривалась как «прекрасно оборудованный плацдарм, удобный для сбора и развертывания в нем немецких войск, с одной стороны, и вместе с тем приспособленный для удержания его сравнительно небольшими силами»³. Основное внимание уделялось укрепленной линии Мазурских озер (где ключевую позицию занимала сильная крепость Летцен), которую можно было удерживать минимальными силами и сделать прикрытием для маневрирования войсками. В дальнейшем это внимание к данному району передается Северо-Западному фронту, руководство которого выделит 2-й корпус для блокирования этого пространства.

Разработка оперативного плана могла быть осуществлена только с учетом конкретной обстановки, выявленной в начальный период войны, т. е. во время сосредоточения основных сил. По мнению Генштаба, тайная мобилизация германских войск началась уже 15 (28) июля, т. е. за два дня до объявления официальной мобилизации⁴, что давало противнику временное преимущество в развертывании. А потому требовалось как можно быстрее провести мобилизацию, во время которой предстояло выявить основные силы противника.

22 июля (4 августа) Я. Г. Жилинский телеграфировал в Санкт-Петербург об обнаружении частей пяти германских корпусов: 1-го — у Эйдткунена, 20-го — у Лыка, 17-го — у Нейденбурга, а также 5-го и 6-го — у Калиша⁵. Имеющиеся

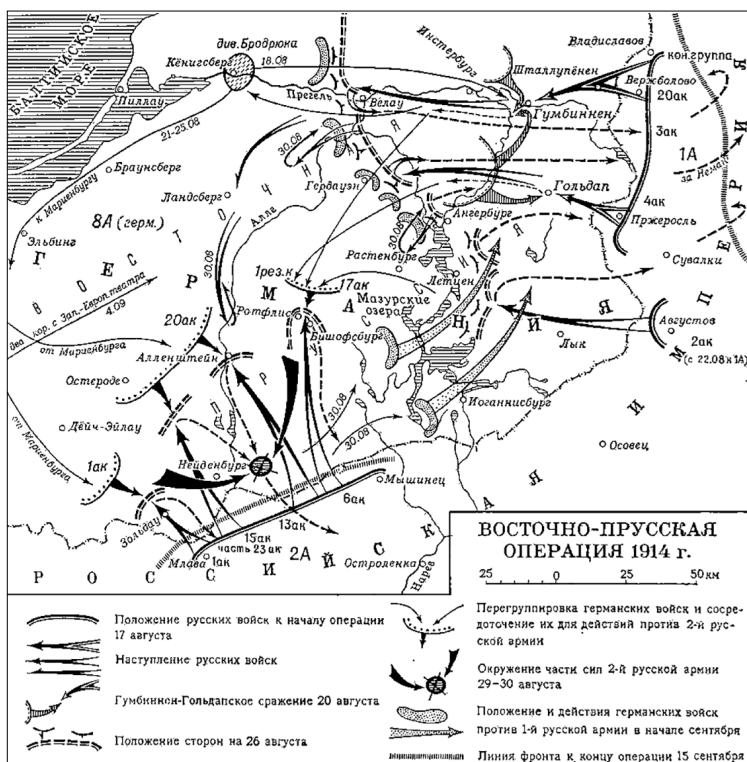
¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1118. Л. 143 об.

² Там же. Л. 144–145.

³ Там же. Л. 119.

⁴ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 555. Л. 1.

⁵ РГВИА. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

Общая схема наступления в Восточной Пруссии в 1914 г.

данные, судя по всему, признавались недостаточными, а потому 26 июля (8 августа) генерал Н. Н. Янушкевич со ссылкой на вел. кн. Николая Николаевича потребовал от главнокомандующего фронтом более энергичной разведки в целях окончательного выявления сил противника. Тогда же была обозначена ключевая задача: при первой возможности перейти в наступление «дабы облегчить положение французов, но, конечно, обеспечив себе сначала достаточный личный состав»¹.

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

Уточнение данных о противнике шло параллельно с разработкой оперативного плана. 28 июля (10 августа) Н. Н. Янушкевич направил Я. Г. Жилинскому телеграмму: основной удар германцы все же готовят против Франции, в Восточной Пруссии остались четыре корпуса (1, 20, 17-й и 5-й)¹ с несколькими резервными дивизиями и ландверными бригадами, а также гарнизоном Кенигсберга. К концу 12-го дня мобилизации (т. е. к вечеру 29 июля (11 августа)) Ставка рассчитывала окончить мобилизацию основных сил армий фронта (96 батальонов и 132 эскадрона в 1-й армии и 112 батальонов и 96 эскадронов во 2-й армии). По ее мнению, им противостояло лишь 100 батальонов полевых войск с резервными ландверными частями². Другими словами, общее превосходство в силах оценивалось в два раза. Отсюда выглядит логичным требование вел. кн. Николая Николаевича начать наступление с 14-го дня мобилизации, т. е. с 31 июля (13 августа). Указанные выше соображения легли в основу директивы командующим 1-й и 2-й армиями от 31 июля (13 августа), в которых 1-й армии предписывалось перейти границу 4 (17) августа, 2-й армии — 6 (19) августа³. Замысел операции заключался в том, чтобы они, двигаясь по сходящимся направлениям из района Немана и Нарева (т. е. по разные стороны укрепленного района Мазурских озер), взяли германскую армию в клещи и не допустили ее отхода за Вислу. Тем самым смысл заключался не в завоевании пространства, а в уничтожении вражеской боевой силы.

Таким образом, Ставка толкала русские войска к поспешному наступлению. В оперативной переписке это обуславливалось необходимостью выполнить союзнические обязательства, которые, правда, трактовались вовсе не в духе следования довоенным соглашениям. Во внимание принималось то обстоятельство, что война Германией была объявлена сначала России и что Франция как «союзница наша, считала своим долгом немедленно же поддержать нас, выступив против Германии, соответственно, необходимо и нам в силу

¹ В реальности 5-го корпуса в составе 8-й армии не было.

² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 4. Л. 9, 9 об.

³ РГВИА. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–16.

тех же союзнических обязательств» поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара¹. Численное превосходство сил на бумаге считалось достаточным основанием, чтобы рассчитывать на успех.

В конечном счете Россия стремилась захватить стратегическую инициативу и навязать свою волю противнику, воспользовавшись тем обстоятельством, что основные силы Германии должны были погрязнуть в боях на территории Франции. Эту мысль отстаивает и С. Г. Нелипович, с которым мы солидарны по данному вопросу². Преувеличение роли союзнического давления возникло уже позднее, во-первых, как оправдание неудач³, во-вторых, как часть более сложной дипломатической игры, направленной на подчеркивание как можно большего вклада России в общие усилия Антанты (для последующего политического торга). Обратим внимание, что до начала 20-х чисел августа исход Приграничного сражения еще не был известен, а потому разговоры о потенциальном тяжелом положении французов вряд ли могли восприниматься иначе, нежели проявление дипломатического давления. Согласно воспоминаниям Ю. Н. Данилова, только 10–12 (23–25) августа, т. е. в разгар наступления, он получил сведения о катастрофе на фронте союзников⁴. Уже после войны этот миф стал воспроизводиться в советской и эмигрантской историографиях, правда по разным причинам: в первом случае он свидетельствовал об отсталости «царской России» и фактически антинародном поведении ее правительства (при этом подсчет вклада, в т. ч. «кровавого», в победу Антанты использовался параллельно в качестве аргумента в дискуссиях с бывшими союзниками о национализированном

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об — 10.

² *Нелипович С. Г.* Указ. соч. С. 21–22.

³ В публицистике того времени интерпретации варьировались от попыток свести наступление к кавалерийскому набегу (см.: Разгром немецкой армии под Августовом и на Немане. М., 1914. С. 5) до акцентирования на отдельных победах, перевешивающих неудачи (*Блом М. О.* Великая война // История Великой войны. Т. 2. М., 1916. С. 177; Вторая Священная война 1914 года. М., [1914]. С. 22; *Иванов Ф. К.* Великая война. М., 1915. С. 138).

⁴ *Данилов Ю. Н.* Указ. соч. С. 133–134.

имуществе и выплате военных кредитов)¹; во втором подчеркивание роли русской армии позволяло повысить символический статус эмигрантских сообществ². Наиболее яркий пример последнего представляет собой командир 3-го корпуса генерал Н. А. Епанчин, который безуспешно пытался добиться от британского правительства пенсии, доказывая, что именно его корпус решил исход Гумбинненского сражения, что заставило немцев оттянуть часть сил на Восточный фронт, а это предопределило победу англо-французских сил на Марне³.

Ввиду сохраняющейся неопределенности относительно планов противника оперативное планирование было пронизано стремлением обезопасить себя от «различных неожиданностей», для отражения которых из состава армий изымались существенные силы. Прежде всего речь идет о левом берегу Вислы: со стороны крепостей Торн и Бреславль германцы могли угрожать слабозащищенной Варшаве. На этом направлении у противника находился ландверный корпус Вейрша, который ограничивался исключительно демонстративными действиями. В воспоминаниях Ю. Н. Данилов именно этой угрозой объясняет решение изъять из состава 1-й армии два корпуса (1-й и Гвардейский) и переправить их в Варшаву⁴, о чем 26 июля (8 августа) начальник штаба фронта генерал

¹ Наиболее яркий пример см.: *Захаров П.* Причины разгрома армии ген. Самсонова и берлинский поход как причина Лодзинской катастрофы // Кто должник? Сборник документальных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции / Под общ. ред. А. Г. Шляпникова, Р. А. Муклевича, Б. И. Доливо-Добровольского. М., 1926. С. 215–232.

² См. яркие примеры такой риторики: *Будберг А. П.* Вооруженные силы Российской империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны. 1914–1917 гг. // Вестник Общества российских ветеранов Великой войны, № 158/9. Сан-Франциско, 1939; *Геруа Б. В.* Стратегия альтруизма // Часовой. Брюссель, 1939. 1 авг. № 240–241. С. 5–13. Стоит обратить внимание, что Б. В. Геруа в мемуарах вовсе не пишет об альтруизме русской армии.

³ См.: *Дементьев И. О.* Черчилль о Гумбиннене: к истории одной цитаты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. № 12. С. 93–99 (гуманитарные и общественные науки).

⁴ *Данилов Ю. Н.* Указ. соч. С. 137–138.

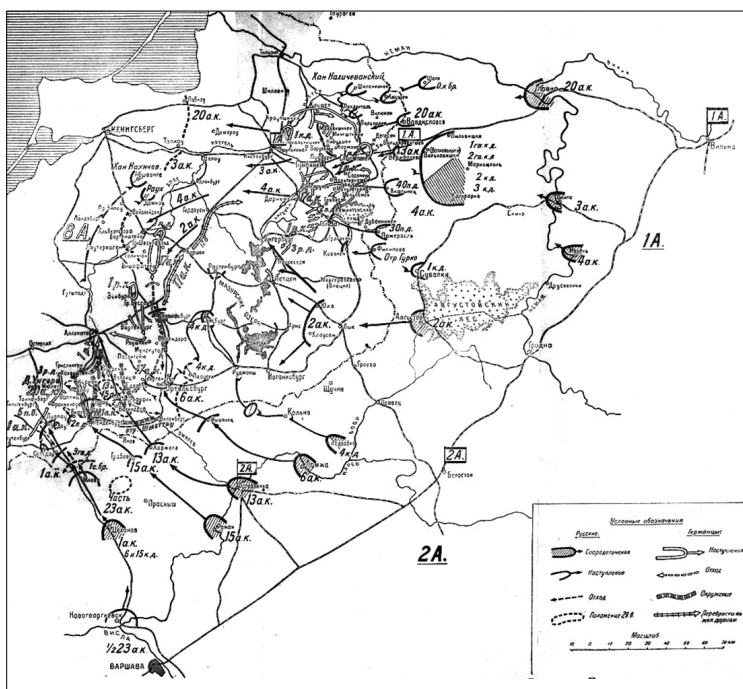
В. А. Орановский известил П. К. фон Ренненкампа. На левом берегу Вислы (самая западная часть территории Российской империи) активно действовала 14-я кавалерийская дивизия генерала А. В. Новикова, а 28 июля (10 августа) Я. Г. Жилинский потребовал от командира 14-го корпуса И. П. Войшин-Мурдас-Жилинского наблюдать за противником, активизировавшимся в районе Кельцы, и быть готовым отразить его попытку перейти Вислу¹. Любопытно, что 30 июля (12 августа) в войска ушла телеграмма главнокомандующего фронтом, в которой он ссылаясь на сведения департамента полиции о потенциальных забастовках, готовящихся социал-демократическими партиями. Опасаясь негативного влияния на готовящееся наступление, Я. Г. Жилинский требовал формировать отряды с репрессивными офицерами во главе для разгона стачек².

Эта осторожность сочеталась с наступательным порывом. На этапе сосредоточения основных сил 1-й и 2-й армий была реанимирована идея прямого удара от Варшавы в общем направлении на Берлин. Одним из первых ее выдвинул командующий 2-й армией, который 29 июля (11 августа) направил соответствующий доклад Я. Г. Жилинскому. А. В. Самсонов считал положение России очень выгодным — Германия оставила против нас незначительные силы, Австро-Венгрия часть войск задействовала против Сербии, поэтому открывалась перспектива непосредственного наступления вглубь Германии, а именно по прямой линии Варшава — Берлин: «Полагаю, что наступление в сердце Германии может быть решено только при условии положенном в основу плана кампании, — наступления против Австрии; против Восточной Пруссии армии также необходимо вести наступление. Занятие каких бы то ни было оборонительных положений в наших пределах не обеспечит операции наступления вглубь Германии»³. Для этого командующий предлагал использовать войска 2-й армии в составе трех корпусов и сильной конницы (усиленные вдобавок подходящими Гвардейским и 1-м армейским корпусами, а также резервными дивизиями), в то время как пять

¹ РГВИА. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 725. Л. 100.

³ Там же. Д. 19. Л. 100 об.

Подробная схема сосредоточения армия Северо-Западного фронта.

корпусов под руководством П. К. фон Ренненкампа (также ожидающих подхода сильных резервов) должны были атаковать в обход линии Мазурских озер с запада (с линии Гродно — Белосток — Малкин). Причем правофланговый корпус блокировал бы противника в межозерном пространстве, тем самым сократив ему место для маневра и лишив возможности ударить с востока. Согласно произведенным расчетам сосредоточение сил 2-й армии на линии Сохачев — Петраков для дальнейшего наступления могло бы произойти к 27-му дню мобилизации¹.

Выдвинутые предложения, на первый взгляд, имели свои резоны, например отказ от активных действий до полного сосредоточения, однако не учитывали ни возможные превен-

¹ См.: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 19. Л. 100–101.

тивные меры германцев, ни слабо развитую инфраструктуру левого берега Вислы, ни организационные проблемы, связанные с резким изменением плана, по которому уже шло развертывание. Более того, командующий 2-й армией предлагал оставаться на местах почти что месяц, отдав инициативу противнику.

Хотя «план Самсонова» так и остался на бумаге, изложенные идеи прекрасно отражают общий настрой командования и готовность к рискованным действиям. Сама идея организации прямого удара на Берлин витала как в штабе фронта, так и в Ставке, а потому исполнить ее решили отдельными силами. Для этого предписывалось использовать собираемые у Варшавы Гвардейский, 1-й и 18-й корпуса — силы прикрытия превращались в костяк ударного кулака. 1 (14) августа Я. Г. Жилинский предоставил в Ставку доклад, в котором предполагал назначить один корпус из 2-й армии в состав формируемых у Варшавы сил, «не предрешая теперь, какой это именно будет корпус, потому что это возможно будет определить лишь по окончании операции за озерное пространство в Восточной Пруссии». Впрочем, штаб фронта продумывал и использование этих крупных сил для укрепления левого фланга 2-й армии. Так, 2 (15) августа гвардия была подчинена А. В. Самсонову, а место ее высадки было перенесено из Варшавы в Новогеоргиевск, т. е. ближе к границе Восточной Пруссии. В польской столице остались два полка 1-го корпуса, один из которых был подчинен начальнику 5-й кавалерийской дивизии генералу Морицу¹. 4 (17) августа Ставка разрешила подобное движение гвардии, однако напомнила, что «Верховный смотрит на это как на временные меры, и надо быть всегда готовым бросить корпус на левый берег». Уже через два дня великий князь изменил мнение: двигать Гвардейский корпус запрещалось, поскольку он вместе с 1-м армейским должен был образовать оперативный резерв².

Таким образом, планирование Восточно-Прусской операции осуществлялось с учетом положения на Средней Висле

¹ РГВИА. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 5. Л. 26, 30, 35.

² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 4. Л. 17, 28.

и в условиях отсутствия более-менее точных данных о противнике, а сама оперативная мысль словно металась между решительностью, подпитываемой ожиданием быстрых побед, и желанием «обезопасить себя» на разных направлениях. В итоге это привело к ослаблению 1-й армии на один корпус (взамен двух отнятых П. К. фон Ренненкампф получил 20-й армейский корпус), а также весьма странному положению во 2-й армии, когда и ее командующий, и главнокомандующий фронтом были ограничены в использовании наличных войск и прежде всего левофлангового 1-го армейского корпуса. По подсчетам С. Г. Нелиповича, к началу операции немцы насчитывали 158 батальонов и 78 эскадронов (примерно 135 тыс. человек) при 1044 орудиях. Им противостояли внушительные силы: 1-я русская армия к моменту перехода границы имела около 190 тыс. человек при 472 орудиях, а 2-я армия — около 240 тыс. человек при 724 орудиях¹.

ПЕРЕХОД В НАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК 4–12 (17–25) АВГУСТА

Требование поспешного наступления, исходящее из Ставки и реализуемое штабом фронта, привело к тому, что в день перехода границы — 4 (17) августа — 1-я армия была не готова. Речь идет о проблемах в устройстве связи и тыла. Предвидя возможные сложности с обеспечением довольствия, еще 3 (16) августа генерал П. К. фон Ренненкампф заключил крупный контракт на поставку продовольствия и фуража по явно завышенным ценам. Последнее обстоятельство вызвало подозрения в коррупции: финансовые скандалы сопровождали командующего на протяжении всей его карьеры и однажды уже привели к смене места службы. Ситуация обострилась и тем, что о его неправомерных действиях в штаб фронта донесли начальник штаба 1-й армии генерал Г. Г. Милеант и начальник этапно-хозяйственного отдела генерал Г. Д. Янов. А потому 4 (17) августа П. К. фон Ренненкампфу пришлось выдержать нелегкий разговор с генералом Я. Г. Жилинским

¹ *Нелипович С. Г. Указ. соч. С. 32, 41, 42.*

(конфликт удалось временно замять, расторгнув контракт)¹. Несомненно, это привело к дезорганизации работы штаба 1-й армии (ее командующий в дальнейшем больше опирался на генерал-квартирмейстера К. К. Байова и различного рода ординарцев)², а также создало напряженность в отношениях командующего армией и главнокомандующего фронтом, причем последний в дальнейшем в переписке со Ставкой неоднократно делал критические замечания в адрес подчиненного. Весьма показательны, что спустя несколько недель, 20 августа (2 сентября), в прямом разговоре с В. А. Орановским Г. Г. Милеант спрашивал о получении первым «частного письма по поводу создавшихся отношений». Не называя командующего 1-й армией напрямую, он далее жаловался на грубые придирки и невозможные условия работы («сегодня было по поводу совершенно справедливого с моей стороны доклада высказано мне в такой форме недоверие, что я должен был уйти»). Завершалось это просьбой содействовать в поиске другого места, «если я могу там принести какую-нибудь пользу»³.

Однако вернемся к началу операции. Ситуация на фронте 4 (17) августа сложилась не лучшим образом. У Шталлупена центральный 3-й корпус выдвинулся вперед и попал под немецкую атаку: поражение потерпела 27-я пехотная дивизия. Шедшая слева 40-я пехотная дивизия, судя по журналу военных действий, еще утром слышала шум боя на фронте соседа, однако оказывать содействие не стала⁴. Важно подчеркнуть, что атаковал лишь 1-й германский корпус по личному почину командира генерала Г. фон Франсуа, решившего в одиночку разбить русских. Он думал, что бьет не в центр, а в правый фланг русской армии (этот ошибочный вывод немцы сделали после набега 1-й кавалерийской дивизии В. И. Гурко 1 (14) августа на Маркграбово, что заставило немцев полагать, что русская армия будет развертываться южнее). Лишь

¹ Романов А. В. Дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 123; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 786. Л. 85 об.

² Бубнов А. Д. В царской ставке. М., 2008. С. 37–39.

³ Восточно-Прусская операция: сборник документов. С. 343–344.

⁴ РГВИА. Ф. 2370. Оп. 1. Д. 342. Л. 4 об.

пассивность нашей кавалерии и других частей позволили германцам отойти с минимальными потерями.

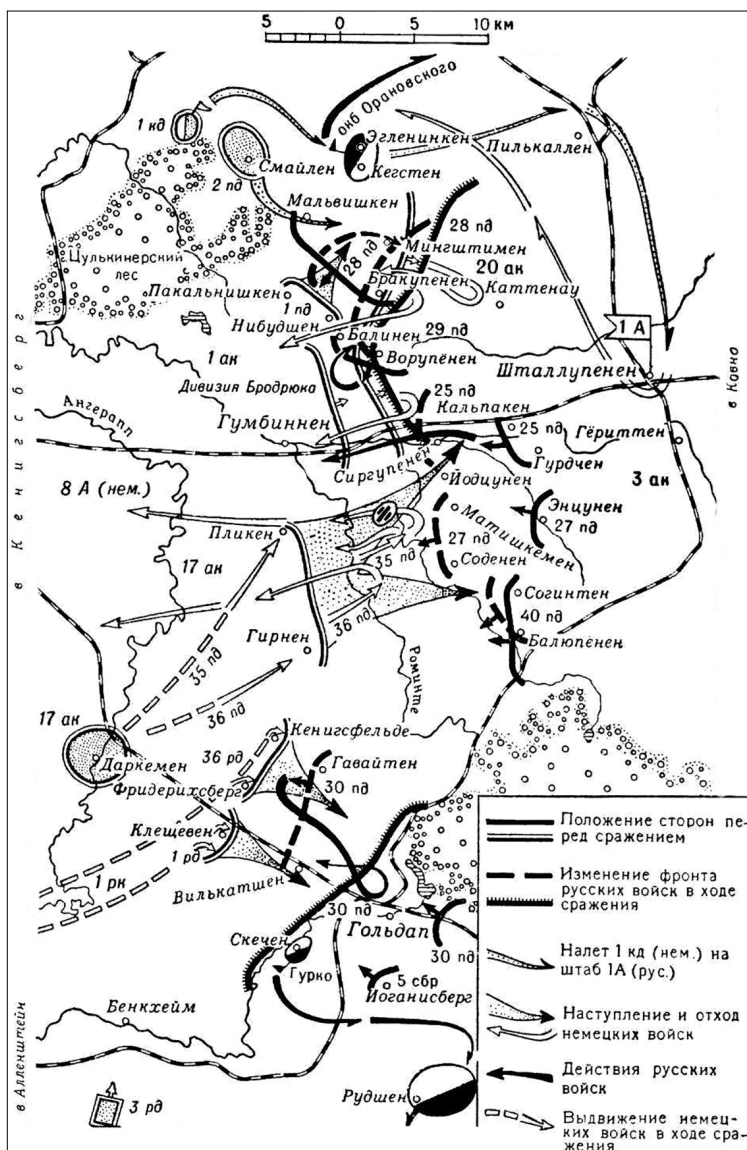
Развивая дальнейшее наступление, штаб 1-й армии не ориентировал вовремя Я. Г. Жилинского относительно положения на фронте. Так, 6 (19) августа он сообщил Ю. Н. Данилову: донесений от Ренненкампа за предыдущий день не поступало¹. Подобная ситуация обеспокоила Ставку, которая потребовала постоянно держать ее в курсе событий, присылая ежедневные телеграммы до шести часов утра². Таким образом, мы видим серьезные нарушения в коммуникации между ключевыми инстанциями принятия решений (штаб армии — штаб фронта — Ставка).

1-я армия с боями продвигалась вперед, в то время как генерал М. фон Притвиц сосредоточивал свои силы, планируя нанести контрудар. Относительно крупные бои разыгрались 6 (19) августа на правом фланге. Конный корпус Нахичеванского, направленный в тыл 8-й армии, столкнулся у Каушена с ландверной бригадой. Несмотря на численное, огневое и маневренное превосходство, кавалеристы спешили и весь день вели тяжелый бой, под вечер отбросив противника и захватив два подбитых орудия. В наступавшей рядом 28-й пехотной дивизии поражение потерпел 109-й Волжский пехотный полк. Подобное развитие событий не было должным образом оценено ни в штабе 20-го армейского корпуса (в состав которого входила упомянутая пехотная дивизия), ни в штабе армии: везде считали, что имеют дело с незначительными частями противника. На 7 (20) августа Ренненкампа отдал приказ о дневке. Объективная необходимость дать возможность войскам отдохнуть обернулась потерей стратегической инициативы.

В таких условиях и развернулось Гумбинненское сражение. Оно достаточно хорошо описано в отечественной литературе, а потому мы не будем останавливаться на его ходе. Отметим лишь следующее: штаб армии сыграл в нем минимальную роль, поскольку после Каушенского боя кавалерия

¹ РГВИА. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 5. Л. 53 а.

² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 4. Л. 34–36.

Гумбинненское сражение.

Нахичеванского остановилась на отдых, а 1-я германская кавалерийская дивизия обошла правый фланг 1-й армии и проникла в тыл, атаковав в районе Пилькаллена и Шталлупенена, тем самым дезорганизовав работу штаба армии. Поэтому основная тяжесть самого сражения легла на начальников дивизий, чьи действия были разрознены. Немцам удалось добиться определенных успехов на наших флангах, однако все их атаки были отражены в центре — 17-й корпус А. фон Маккензена понес чувствительные потери. Когда же генерал М. фон Притвиц получил сведения о переходе русскими южной границы Восточной Пруссии, он запаниковал и приказал отступить. П. К. фон Ренненкампф, лишь ближе к вечеру наладив управление войсками, приказал не преследовать. Следующие два дня, к сожалению, были упущены. Армия оставалась на месте, кроме левого фланга, где 4-й корпус занял оставленный Даркемен.

Можно в определенной степени довериться воспоминаниям командира 3-го корпуса генерала Н. А. Епанчина, писавшего о том, что командующий армией был уверен в скором своем поражении, а потому отход противника стал неожиданным. По-видимому, выход из боя воспринимался штабом 1-й армии как временное затишье. 8 (21) августа П. К. фон Ренненкампф доносил о том, что германцы окапываются¹ (что не соответствовало действительности). Примечательно и то, что в сводке сведений о противнике, подготовленной в штабе армии, не упоминается о наличии 1-го германского резервного корпуса, атаковавшего наш левый фланг: его присутствие «не удалось» установить даже по итогам Гумбинненского сражения², что лишний раз свидетельствует о низком качестве информации о противнике. Полное отступление германцев было выявлено только 9 (22) августа. Что касается кавалерии, то в этот день группа Хана Нахичеванского была направлена в тыл на Пилькаллен, дабы выбить оттуда немецкую кавалерию (которой там уже не было). На следующий день она ограничилась разведкой перед правым флангом армии,

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 17. Л. 111.

² Там же. Д. 470. Л. 75–76.

тем самым Ренненкампф пытался предупредить опасность со стороны Ласденена — Тильзита, хотя в действительности противника там не было.

Отметим, что командующий 1-й армией резко отрицательно оценил Каушенский бой, устроив разнос Хану Нахичеванскому, а начальник 1-й отдельной кавалерийской бригады генерал Н. А. Орановский за пассивность 7 (20) августа был отрешен от командования. Он являлся братом начальника штаба фронта, что также не могло способствовать улучшению отношений Ренненкампфа с непосредственным начальством. Сам Нахичеванский сумел сохранить должность, однако из его подчинения была выведена 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, а служившие в гвардии представители дома Романовых, вел. кн. Дмитрий Павлович (брат императора) и кн. Иоанн Константинович¹, переведены в штаб фронта. Любопытно, что в начале сентября первый из них был награжден орденом Св. Георгия IV степени за бой под Каушеном, в котором даже не принимал участия. Награду вручал сам П. К. фон Ренненкампф в присутствии сестры новоиспеченного кавалера вел. кн. Марии Павловны. Она в качестве сестры милосердия состояла в подвижном лазарете им. Мраморного Дворца, где также служила кн. Елена, сербская принцесса и жена упомянутого кн. Иоанна; приезд лазарета в восточно-пруссский Инстербург определялся именно родственными узами — желанием венценосных родственников быть на одном участке фронта.

За всеми этими вроде бы не очень значительными действиями мы видим проявление более глубоких процессов: П. К. фон Ренненкампф, к которому прохладно относился Верховный Главнокомандующий и весьма враждебно военный министр В. А. Сухомлинов, был обязан положением не только боевой репутации эпохи русско-японской войны, но и близостью ко двору. Потому он всячески стремился поддерживать нужный образ и в кругах столичной элиты, и в общественном мнении. В первые две недели после объявления

¹ Его младшие братья Гавриил, Игорь и Олег продолжали службу на передовой.

войны войска только сосредоточивались, однако общественность уже жаждала результатов боев, что ставило прессу в затруднительное положение. Так, либеральное «Утро России» в первые недели раскручивало образ командующего 1-й армией, не только рассказывая о былых подвигах, но и цитируя его боевые приказы, чего не могло произойти без содействия от него самого¹. Именно П. К. фон Ренненкампф лично наградил Георгиевским крестом IV степени казака К. Ф. Крючкова, отличившегося в бою 30 июля (12 августа). Тем самым он стал первым георгиевским кавалером войны, а заметно искаженное описание подвига быстро распространилось газетами и превратилось в один из ключевых героических мифов эпохи. Так множилась слава войск П. К. фон Ренненкампфа. Вскоре его адъютантом стал А. Богуславский, журналист влиятельного «Нового времени». Подобное пребывание корреспондентов на фронте шло вразрез с требованиями Ставки по работе с печатью, однако было необходимо генералу в политическом плане. Все это не имеет прямого отношения к проведению наступления в Восточной Пруссии, однако задает тот контекст, в котором действовал командующий 1-й армией.

Пока Ренненкампф вел тяжелые бои, а Самсонов продвигался к границе, Ставка пребывала в неведении относительно разворачивающихся боев и одновременно продолжала решать две взаимосвязанные задачи — защиты польской столицы и организации удара на Берлин. 8 (21) августа вел. кн. Николай Николаевич распорядился, чтобы Гвардейский корпус сосредоточили у Варшавы, а его командиру генералу В. М. Безобразову вплоть до формирования 9-й армии подчинялись все части на левом берегу Вислы. Разрешалось выдвижение этих войск навстречу противнику, если тот попытается пересечь реку². В то же время 1-му корпусу ставилась задача обеспечить левый фланг 2-й армии со стороны Торна, однако Ставка пыталась сохранить Самсонову свободу действий: в случае

¹ См.: Спокойствие // Утро России. 1914. 20 июля; Знаменательный приказ // Утро России. 1914. 23 июля; Полевой суд // Утро России. 1914. 25 июля. С. 3; Приказ ген. Ренненкампфа // Утро России. 1914. 31 июля. С. 3.

² РГВИА. Ф. 2019. Оп.1. Д. 4. Л. 37–41.

уверенности в безопасности фланга эти войска разрешалось использовать в боях на фронте¹.

На фоне достигнутых успехов под Гумбинненом 9 (22) августа Ставка потребовала от 1-й и 2-й армий как можно более энергичного и безостановочного наступления. Кроме того, Н. Н. Янушкевич сообщил, что Я. Г. Жилинскому теперь подчиняется 9-я армия, которая в дальнейшем должна была наступать на линию Брамберг — Познань². Когда 10 (23) августа П. К. фон Ренненкампф продолжил движение вперед, он не обнаружил перед собой немцев. Пospешное бегство местных жителей лишней раз убеждало все русское командование в том, что под Гумбинненом одержана крупная победа. Примечательно, что в этот день в войска была послана поздравительная телеграмма от имени Верховного Главнокомандующего. В ответ Я. Г. Жилинский писал: «Удостоенные лестной благодарности Вашего Императорского Высочества боевые действия первой армии позволяют мне высказать, что все войска вверенного мне фронта горят желанием сломить возможно скорее сопротивление векового противника нашего и войти в глубь его страны, чтобы показать всему миру силу русского духа и русского оружия»³.

Преувеличение победы под Гумбинненом (в чем «заслуга» и П. К. фон Ренненкампфа, и Я. Г. Жилинского, стремившегося отрапортовать о первых победах) сильно сказалось на всем оперативном планировании. От войск А. В. Самсонова требовалось поспешное наступление (не считаясь ни с усталостью, ни с плохими дорогами) с целью отрезать пути отступления отходящему противнику.

10–11 (23–24) августа 2-я армия центральными корпусами у Орлау и Франкенау вступила в бой 20-м германским корпусом, который был оставлен прикрывать южные рубежи провинции. Под угрозой окружения немцы были вынуждены отступить, однако вымотали центральные корпуса и задержали на несколько дней наступление в тыл основным силам 8-й армии. О достигнутой совершенно частной победе

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

² Там же. Л. 57, 82.

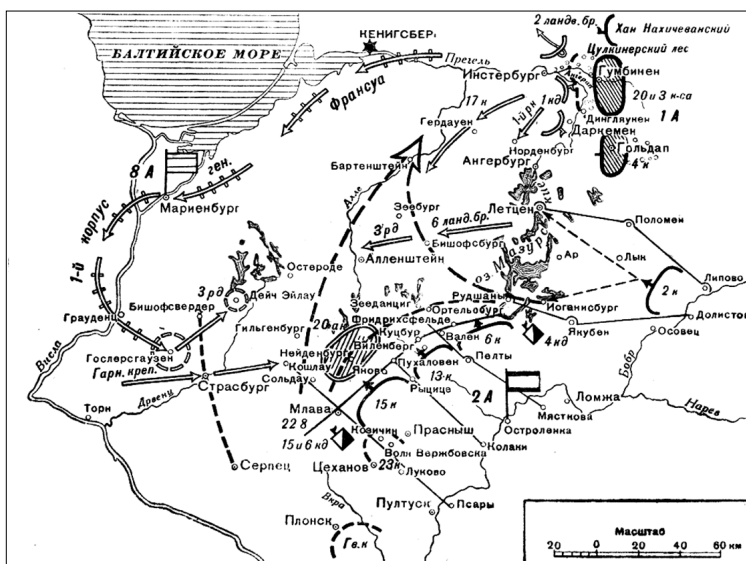
³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 726. Л. 2.

А. В. Самсонов быстро донес в штаб фронта, а Я. Г. Жилинский вновь отчитался перед Верховным Главнокомандующим, который передал поздравления теперь уже войскам 2-й армии. В ответ ее командующий телеграфировал: «Телеграмма Вашего Высокопревосходительства и поздравление армии с первым боевым успехом переданы вверенным мне войскам, стремление вперед с целью нанести решительное поражение противнику всегда живет в сердцах чинов армии и только постоянное уклонение неприятеля от боя лишало войска возможности осуществить их горячее желание. Первый успех и милостивая оценка нашего Главнокомандующего вселяют в войсках уверенность в победе и в решительном поражении врага»¹.

Пришедшийся на эти дни спор между штабом армии и фронтом относительно направления удара (на север или северо-запад) хорошо описан в литературе, однако отметим, что изначально Я. Г. Жилинский исходил из того, что 8-я армия разбита, а потому направлял 2-ю армию прямо на север. 11–12 (23–24) августа не только замедлилось ее движение, но и выяснилось, что противник оторвался от Ренненкампафа, а потому стало очевидным: окружить немцев можно было только, если перенести движение войск Самсонова западнее. 12 (25) августа командующий 2-й армией добился разрешения направить основной удар западнее, на железнодорожную ветвь Алленштайн — Остероде.

В этот же день поступили сведения о сосредоточении крупных германских сил против его левого фланга. Вопреки сложившемуся мнению, командование фронтом вовсе не игнорировало эту опасность. Рано утром 13 (26) августа В. А. Орановский доложил об этом Ю. Н. Данилову, чем вызвал его крайнее раздражение. Генерал-квартирмейстер заявил, что предвидел угрозу левому флангу, а потому А. В. Самсонову и был передан 1-й корпус, останавливать движение изможденных переходами и боями войск 2-й армии не стоит, а вообще «надо кончать с Восточной Пруссией» и переносить операции на левый берег Вислы, чтобы не потерять иници-

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 726. Л. 6–7.

Подготовка Германского маневра после боя 7 (20) августа.

ативу¹. В воспоминаниях Ю. Н. Данилов «проявил» куда большую осторожность, говоря об опасениях Ставки за судьбу армии в это время и заявляя, что 26 августа «положение на фронте 2-й армии стало действительно вырисовываться в весьма неблагоприятном свете»².

Споры между штабом армии и фронта, состоявшиеся 9–12 (22–25) августа, относительно того, должна ли армия наступать на север (позиция Я. Г. Жилинского) или на северо-запад (предложение А. В. Самсонова), в конечном итоге привели к растягиванию фронта армии. Однако сам факт этих дискуссий ярким образом свидетельствует о стремлении добиться, как тогда казалось, окончательного разгрома живой силы противника, что указывает на несостоятельность утверждений, будто стратегия и оперативное искусство русского руководства были излишним образом ориентированы на захват

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1 Д. 4. Л. 100–103.

² Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 149.

географических объектов (например, А. А. Керсновский это постоянно ставит в вину Ставке)¹.

ТАННЕНБЕРГСКОЕ СРАЖЕНИЕ И ОСТАНОВКА НАСТУПЛЕНИЯ

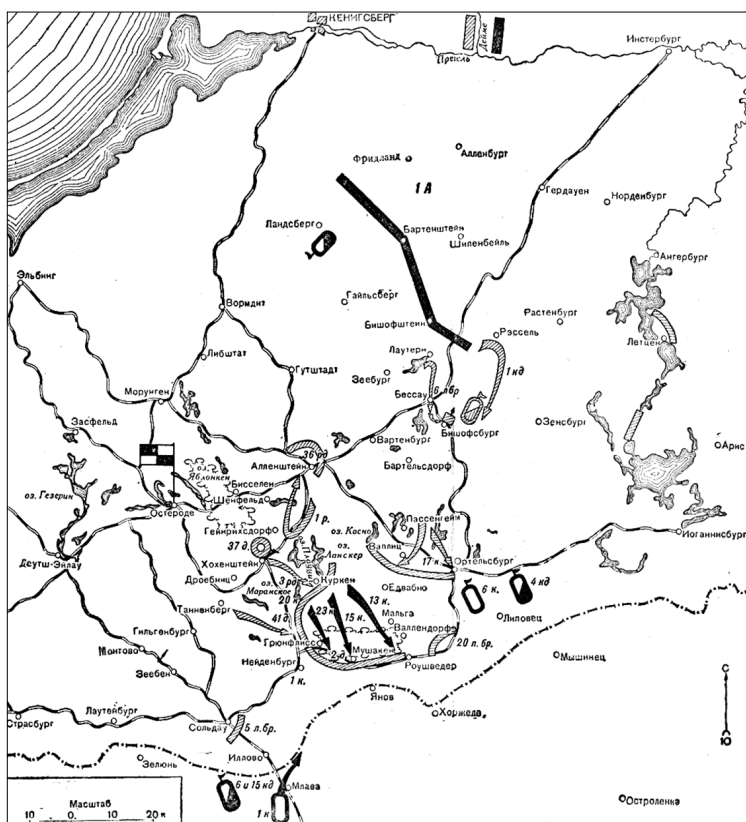
Как известно, в действительности после Гумбинненского сражения немцы вскоре отказались от идеи отступить за Вислу. В ночь на 10 (23) августа М. фон Притвиц и его начальник штаба Г. фон Вальдерзее были смещены за медлительность перегруппировки войск в целях нанесения удара по «наревской» армии². Новое командование 8-й армией, П. фон Гинденбург и Э. Людендорф, 10–11-го (23–24-го) окончательно выработало решение по концентрации всех сил против флангов армии Самсонова. На реализацию потребовалось несколько дней. Успех был не только связан с решительностью нового руководства, но и обеспечен техническим превосходством: железные дороги позволяли быстро перебрасывать войска, активное использование авиации — быть в курсе передвижений русских, а радисты из Кенигсберга перехватили телеграмму, раскрывавшую группировку 2-й русской армии. Использовались и методы дезинформации: от намеренного изменения номеров на касках солдат до посылки ложной незашифрованной телеграммы о перевозке войск через Кенигсберг, которую «перехватила» Рижская радиостанция³.

Днем 13 (26) августа состоялся визит вел. кн. Николая Николаевича в штаб Северо-Западного фронта, в ходе которого, видимо, были решены основные оперативные вопросы. Операция в Восточной Пруссии считалась уже фактически завершенной, в качестве генерал-губернатора занятых территорий был назначен генерал П. Г. Курлов, который приступил к написанию положения о временном управлении. А. В. Самсонов должен был добить противника, внимание П. К. фон Ренненкампа приковали к Кенигсбергу и дальнейшему преследованию противника. Однако крепость предполагалось

¹ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 195–196.

² Неллипович С. Г. Указ. соч. С. 53.

³ Там же. С. 55.

Оперативная обстановка в Восточной Пруссии к исходу 16 (29) августа.

обложить, т. е. препятствовать выходу из нее, а не осадить¹, что указывает на то, что, вопреки расхожему мнению², она не должна была стать предметом основного внимания 1-й армии. 14 (27) августа в военно-морском управлении при Верховном главнокомандующем рассматривался вопрос о прикомандировании к штабу 1-й армии морского офицера для

¹ РГВИА. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 5. Л. 103.

² См. напр.: Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 194; Оськин М. Крах «плана Шлиффена». 1914 г. М., 2019. С. 214.

ориентировки по вопросам действия неприятельского флота, а Ю. Н. Данилов срочно запросил о деятельности лейб-гвардии Конного полка для доклада императору¹. Ввиду тяжелой обстановки на Юго-западном фронте было решено туда перебросить 2-й корпус из состава армии П. К. фон Ренненкампа. 27 (14) августа генерал Я. Г. Жилинский также был в большей степени 27 (14) августа занят организацией нового наступления. В этот день он отдал директиву командующему 9-й армии, в которой предписывал продолжать прикрытие Варшавы и начать подготовку к наступлению на фронт Бромберг — Познань².

Как видно, 13–14 (26–27) августа ни Ставка, ни штаб фронта не имели никакого представления о реальном положении дел на фронте 2-й армии, которая ввязалась в тяжелейшее сражение под Танненбергом. Уже к вечеру второго дня крупных боев ее оба фланга были отброшены, центральные пять пехотных дивизий оказались под угрозой окружения. Генерал А. В. Самсонов уяснил обстановку лишь к вечеру 14 (27) августа, о чем немедленно донес в штаб фронта, а сам утром 15 (28) августа отправился на передовую, чтобы лично руководить наступлением. В конечном счете это привело к потере управления войсками. Штаб же фронта, который первым сумел понять сложность сложившейся ситуации, отдал приказ отводить войска, однако телеграмма не дошла до адресата.

В боях 15 (28) августа немецкая попытка атаковать в стык центральных 13-го и 15-го корпусов была отбита, однако движение корпусов на флангах позволило совершить глубокий охват. А. В. Самсонов еще лелеял надежду на то, что мощным наступлением удастся изменить ситуацию, штаб фронта пребывал в уверенности в том, что 2-я армия отходит, а 1-я армия лишь готовилась помочь, выдвигая вперед конницу. В 11.20 16 (29) августа в Ставке от П. К. фон Ренненкампа была получена телеграмма, в которой он сообщал о решении приостановить переброску 2-го корпуса на юго-западный фронт и о движении на помощь Самсонову³. Однако этот день

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 4. Л. 86, 87.

² РГВИА. Ф. 2010. Оп. 1 Д. 5. Л. 102.

³ РГВИА. Ф. 2019. Оп.1. Д. 15. Л. 1, 2.

оказался решающим: немецкое наступление в центре сорвало планы командующего 2-й армией, а движение обходных групп замкнуло кольцо. И если в штабе фронта проявляли беспокойство за положение на фронте 2-й армии, то в Ставке к этому относились куда легче: в разговоре с В. А. Орановским Ю. Н. Данилов выразил уверенность, что А. В. Самсонов, имея до пяти корпусов, сможет отбиться при помощи П. К. фон Ренненкампа. Лишь в ночь на 17 (30) штаб фронта узнал о том, что центральные корпуса 2-й армии ведут тяжелые бои. Утром он пытался организовать наступление частей фланговых корпусов, однако эти попытки помочь центру были отбиты. Набег кавалерии 1-й армии по немецким тылам также оказался неэффективен.

Растерянность штаба фронта проявилась и в том, что за указаниями в Ставку был направлен генерал-квартирмейстер, что вызвало уже раздражение у вел. кн. Николая Николаевича. 18 (31) августа Н. Н. Янушкевич сообщал: «В этом отношении Верховный Главнокомандующий выражает сожаление, что генерал-квартирмейстер штаба вверенного Вам фронта был командирован за повелениями Верховного Главнокомандующего, а не для представления на утверждение Его Высочества Ваших мотивированных предложений». Вместе с этим, правда, были высланы и инструкции: 1-й армии держаться на позициях, остатки 2-й армии собирать в районе Осовец — Ломжа, кавалерии — прикрывать этот сбор. Глубокая линия сосредоточения, указание о подготовке к обороне рубежа Нарева, Бобра и Немана и к разрушению всех железных дорог через Нарев и Вислу — все это свидетельствует о том, что ситуация воспринималась очень серьезно¹. Поскольку в эти дни и на австро-венгерском фронте обстановка оставляла желать лучшего, то силы, собиравшиеся у Варшавы, раскассировали: одна армия была отдана Юго-Западному фронту, вторая — Северно-Западному.

Положение было тяжелым. Общие потери 2-й армии за все время боев, по современным подсчетам, составили 2 451 офицера и 117 768 нижних чинов (примерно 13,5 тыс. убитых

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 6. Л. 11, 12.

и более 90 тыс. пленных). Немцы потеряли в самом Танненбергском сражении около 13 тыс. человек¹. Хотя дальнейшее наступление на юг и рассматривалось в качестве возможной опции, в действительности решение было принято в пользу вытеснения войск генерала П. К. фон Ренненкампа: мощным ударом в левый фланг прорваться в тыл, прижать русских к Неману и уничтожить. 8-я армия в это время пополнилась переброшенными с западного фронта кавалерийской дивизией и двумя корпусами (не более 47 тыс. строевых). Общая численность была доведена до примерно 245 тыс. человек при более 400 пулеметах и 1 212 орудиях. Германцам противостояли приводящая себя в порядок 2-я армия (более 116 тыс. человек при 413 пулеметах и 435 орудиях) и пополненная резервами 1-я армия (256 тыс. человек, 395 пулеметов и 727 орудий). Между ними в районе Августова собиралась новая 10-я армия (до прибытия генерала В. Е. Флуга ею временно командовал Е. А. Радкевич), которая к началу боев формально насчитывала 97 тыс. человек, 192 пулемета и 240 орудий², правда, большая часть этих сил пока только прибывала к линии фронта.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ 1-Й АРМИИ

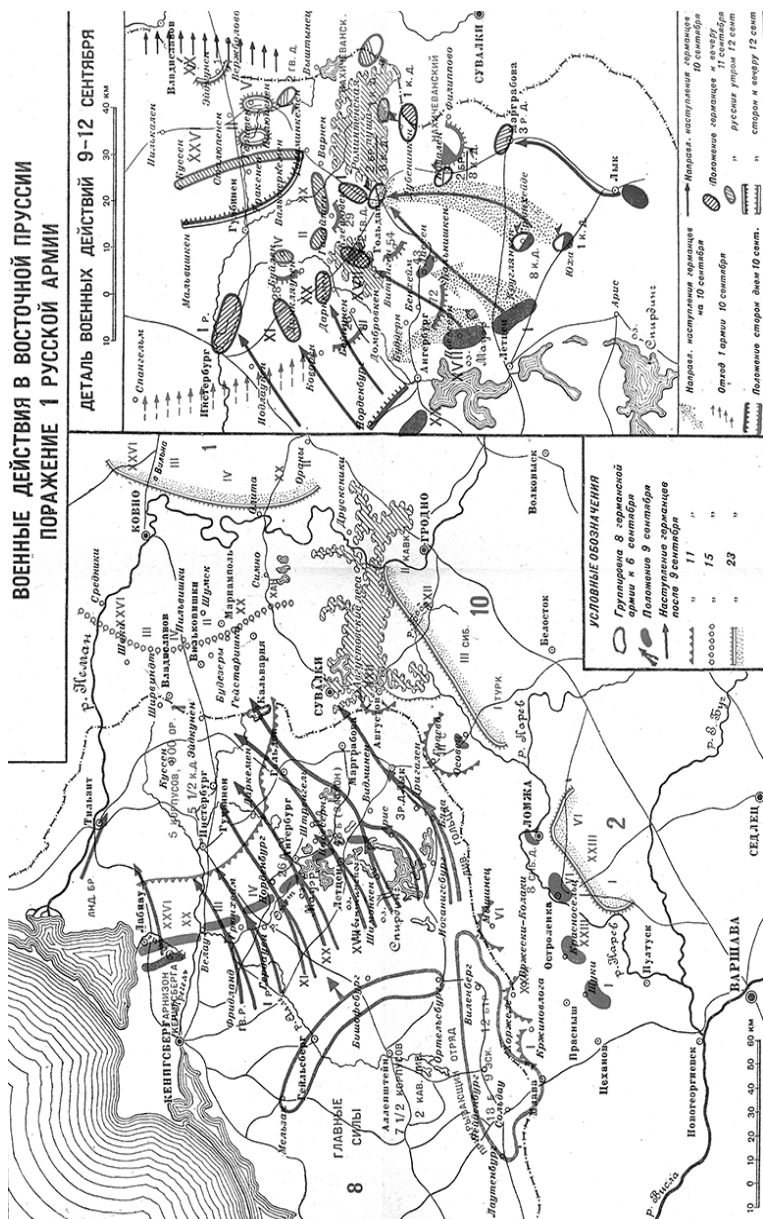
Несмотря на поражение, русскому командованию, видимо, придавало уверенность отсутствие дальнейшего наступления противника. Пребывая в неведении о его планах, командующий 1-й армией в донесениях демонстрировал готовность двигаться вперед, за что, видимо, уцепились в штабе фронта. Так, П. К. фон Ренненкампф решил остаться на занимаемых позициях, укрепить их и перейти к обороне³, в чем был поддержан Я. Г. Жилинским. Начальники их штабов (В. А. Орановский и Г. Г. Милеант), наоборот, считали целесообразным отвести армию на несколько десятков километров назад с тем, чтобы минимизировать удар по «повисшему» левому флангу. Однако П. К. фон Ренненкампф полагал, что

¹ Нелипович С. Г. Указ. соч. С. 72.

² Там же. С. 77, 78.

³ См.: Восточно-Прусская операция: сборник документов. С. 328.

**ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ
ПОРАЖЕНИЕ 1 РУССКОЙ АРМИИ**

Отступление 1-й армии из Восточной Пруссии.

отход негативно скажется на моральном состоянии войск, а Я. Г. Жилинский был убежден, что формируемая 10-я армия окажет необходимую поддержку. Все это согласовывалось и с предшествующими инструкциями из Ставки (В. А. Орановский в разговоре с Г. Г. Милеантом 20 августа (2 сентября) напрямую ссылался на ее волю)¹.

А вел. кн. Николай Николаевич вдобавок обратил внимание на Мемель и потенциальную угрозу десанта в тыл, в сторону Тильзита. Еще 21 августа (3 сентября) П. К. фон Ренненкампф сообщал в штаб фронта о допросе пленного, рассказавшего о перевозке в Мемель немецких войск морским путем. И хотя произведенная на следующий день воздушная разведка ничего не выявила², вероятно, этой угрозе в Ставке было придано повышенное значение. Для парирования этой весьма потенциальной угрозы 26 августа (8 сентября) в Тильзите штабом 1-й армии был сформирован отряд генерала В. В. Мальма из одного второочередного полка, одного ослабленного артдивизиона, двух конных сотен и нескольких сотен пограничной стражи³. Состав явным образом указывает, что серьезного значения вероятному немецкому десанту не придавалось, хотя в эти дни донесения командующего 1-й армией регулярно описывали ситуацию в направлении Тильзита. Этот небольшой эпизод ярким образом показывает, что накануне решающих событий внимание штабов армии и фронта отвлекалось на совершенно малозначимые эпизоды.

Хотя точных сведений о противнике не было, 24–25 августа (6–7 сентября) разведка указывала на усиление противника против левого фланга и переброску войск в Кенигсберг. Соответственно, наступление германцев генерал-квартирмейстер К. К. Байов считал неминуемым⁴. Вечером 25 августа (7 сентября) между Я. Г. Жилинским и П. К. фон Ренненкампом состоялся примечательный разговор: основная угроза командующему 1-й армией виделась против правого фланга в районе Лабау. Немцы действительно здесь применяли

¹ Восточно-Прусская операция: сборник документов. С. 343.

² Там же. С. 348–350.

³ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 293. Л. 6.

⁴ Восточно-Прусская операция: сборник документов. С. 357.

тяжелые орудия, однако демонстративный характер этих действий не был раскрыт. Главнокомандующий заверил, что 22-й корпус (из состава 10-й армии) активно выдвигается: его части уже заняли Лык и идут к Арису. Одновременно на театр военных действий прибыли эшелоны 3-го Сибирского корпуса. Соответственно, за левый фланг армии Я. Г. Жилинский был спокоен. Равным образом и потенциальное наступление предполагалось с легкостью отбить. «Убежден, что это дело очень дорого обойдется немцам», — заверил его П. К. фон Ренненкампф¹. Можно предположить, что, по крайней мере в Ставке, повод для оптимизма давала и одержанная к тому времени победа над основными силами Австро-Венгрии, заставлявшая верить в будущий стратегический перелом на всем Восточном фронте.

Процитированный разговор состоялся в день, когда немецкая ударная группа вступила в соприкосновение с левофланговой 43-й дивизией². О нависшей опасности командующий догадался только 26 августа (8 сентября) и стал подтягивать резервы, ожидая, что соседняя 10-я армия, вернее ее 22-й корпус, окажет содействие. Но ее войска либо только сосредоточивались, либо успели потерпеть поражение в частных боях (сначала 26 августа (8 сентября) немцы прорвали русскую оборону у Ариса, а 27 августа (9 сентября) взяли Лык). Командующий 10-й армией приказывал наступать, командир 22-го корпуса А. Ф. фон Бринкен возражал, ссылаясь на состояние войн, и нашел поддержку со стороны Я. Г. Жилинского, разрешившего отвод сил за границу, к Августову.

Утром 27 августа (9 сентября) в штаб 1-й армии из штаба фронта пришла телеграмма за подписью В. А. Орановского о том, что главнокомандующий приказал 22-му корпусу выдвинуться вперед, а уже вскоре поступило другое сообщение от генерал-квартирмейстера штаба фронта В. Г. Леонтьева³, извещающее о совершенно обратном решении. Отправка двух противоположных друг другу телеграмм, имеющих принципиальное значение для всего характера действий 1-й армии,

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.

² Головин Н. Н. Указ. соч. С. 375.

³ Восточно-Прусская операция: сборник документов. С. 377, 378.

явным образом указывала на опасный оборот, который принимала ситуация, а также на то, что фронтовое командование ею владело плохо. П. К. фон Ренненкампф отреагировал быстро: начал стягивать на левый фланг конницу и резервные дивизии, а затем приказал 20-му корпусу В. В. Смирнова идти сюда с правого фланга. Вечером вышел приказ отвести на несколько десятков километров назад правый фланг и центр, скованные частными боями. Командующий надеялся на удачное решение на левом фланге. 2-й корпус генерала В. А. Слюсаренко отчаянно оборонялся, постепенно отходя под напором германцев. 28 августа (10 сентября) бои продолжились, однако контрнаступление силами резервов и конницы провалилось.

В ночь на 29 августа (11 сентября) от П. К. фон Ренненкампфа Я. Г. Жилинскому ушло две телеграммы. В первой (отправлена в 1.30 ночи) он обвинял начальников кавалерии Г. О. Рауха и Хана Нахичеванского, а также «преступную деятельность войск 20-го корпуса» в том, что противник, по полученным сведениям, взял Гольдап и наступает на Шталлупенен (где и располагался штаб армии). Потому командующий 1-й армией для связи со штабом фронта высылал доверенного протеже князя С. С. Белосельского-Белозерского (его отец командовал в то время бригадой во 2-й гвардейской кавалерийской дивизии), а сам сообщал, что «выезжает в войска». Спустя 40 минут пришла еще одна телеграмма, в которой П. К. фон Ренненкампф, повторяя обвинения в адрес подчиненных, отмечал, однако, что немецкая кавалерия сама поставлена в тяжелое положение, правый фланг будет держаться, а армии лучше оставаться на своих местах до выяснения положения. Заканчивалось это описание неожиданно — намерениями перейти в наступление¹. Сумбурность сообщений ярким образом свидетельствует о душевных переживаниях командующего и постепенной утрате контроля над ситуацией. Утром 29 августа (11 сентября) Я. Г. Жилинский поддержал идею наступления и пообещал направить вперед

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп.1. Д. 18. Л. 414, 415.

части 10-й армии¹, однако в реальности войска последней понесли слишком большие потери, чтобы иметь успех. Видимо, поняв это днем, он указал П. К. фон Ренненкампу на необходимость как можно скорейшего отхода². При этом сам командующий 1-й армией еще утром того же дня отправился из Шталлупенена в Инстербург, в штаб центрального 3-го корпуса, и, видимо, осознав несбыточность планов наступления, сделал параллельное распоряжение об отступлении.

Вместе с тем активное сопротивление левого фланга и его контратаки стали полной неожиданностью для противника, который решил, что атакован подошедшими резервами. Немцы вскоре обнаружили ошибку, однако к тому времени уже успели изменить направление движения обходного крыла, что, по признанию начальствующих лиц 8-й армии, сорвало планы по окружению русских³. Отчаянная оборона привела к потерям в немецких частях, солдаты сильно устали, а потому предполагаемое окружение превратилось в вытеснение.

Существенная проблема 1-й армии в эти дни заключалась в том, что диагональный маневр 20-м корпусом и переброска резервов привели к тому, что тылы перемешались, отходящие передовые части навалились на эту массу. Например, уже вечером 29 августа (11 сентября) 27-я пехотная дивизия (3-й корпус, центр армии) при отходе натолкнулась на массы обозов в районе д. Неммерсдорф, что затруднило ее движение⁴. В воспоминаниях генерал В. А. Слюсаренко свидетельствовал, что вечером 30 августа (12 сентября) по причине хаоса в тылу и колоссальных заторов он фактически утратил контроль над 2-м корпусом⁵.

Соответственно, можно заключить, что ни штаб армии, ни тем более штаб фронта не владели ситуацией, а П. К. фон Ренненкамф если не пребывал в иллюзиях, то точно рисовался

¹ Восточно-Прусская операция: сборник документов. С. 387.

² Там же. С. 389.

³ *Гофман М.* Война упущенных возможностей. М., Ленинград, 1925; С. 48. *Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне. Минск, М., 2005. С. 68.

⁴ РГВИА. Ф. 2357. Оп. 1. Д. 498. Л. 56.

⁵ *Слюсаренко В. А.* На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции. Воспоминания 1913–1921. М., 2016. С. 68–69.

в телеграммах Я. Г. Жилинскому. Уже к концу 29 августа (11 сентября) армия стала рассыпаться, а на следующий день, по крайней мере, левый фланг и центр были неуправляемы (ввиду логистических причин, но не паники). При этом 30 августа (12 сентября) командующий сообщал в штаб фронта о пагубности отхода за Неман для морального состояния войск, поскольку «потеряют веру в себя и своих начальников», а потому предлагал вести контрнаступление («сегодня ходили в штыки и завтра пойдут, если нужно»)¹. Правда, в течение дня армия продолжала отступать, а утром 31 августа (13 сентября) ее штаб разрешил корпусам вообще бросить обозы. Любопытно, что телеграмма за подписью К. К. Байова утром этого дня ушла в штаб 3-го корпуса с просьбой сообщить командирам остальных корпусов². Это ярким образом свидетельствует о полной утрате даже признаков управления. Добавим, что упоминавшийся выше отряд Мальма в Тильзите в эти дни попал в фактическое окружение и потерпел серьезное поражение — значительная часть личного состава оказалась в плену.

Одновременно в переписке со Ставкой Я. Г. Жилинский попытался переложить всю вину на Ренненкампфа, обвинив его в медлительности, непонимании серьезности обстановки, утрате связи с корпусами и даже в отсутствии заботливости (!), выражавшемся в том, что у войск не было хлеба (потому главнокомандующий фронтом собственноручно выслал целый поезд)³. Одним из основных стало обвинение в «трусости»: именно так он пытался трактовать перемещение штаба армии глубже в тыл под угрозой захвата неприятелем. 30 августа (12 сентября) Я. Г. Жилинский даже стал спрашивать у Ставки разрешение отрешить П. К. фон Ренненкампфа от командования, планируя при этом наконец-то осуществить вспомогательный удар 10-й армией⁴.

Хотя обвинения Я. Г. Жилинского сгущали краски, безусловно, командующий 1-й армией и его штаб проявили себя

¹ Восточно-Прусская операция: сборник документов. С. 389.

² Там же. С. 395.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 70. Л. 122, 213, 132.

⁴ Там же. Л. 132, 213.

не лучшим образом. Нераспорядительность же некоторых начальствующих лиц вносила дополнительную дезорганизацию. В итоге армия перемешалась, на какое-то время потеряла управление и отошла за границу. Днем 1 (14) сентября П. К. фон Ренненкампф писал непосредственно Н. Н. Янушкевичу: «Счастлив сообщить для доклада, что все корпуса вышли из боя, хотя некоторые [с] тяжелыми потерями»¹.

Тяжелая ситуация на фронте позволила командующему армией отчислить от должности начштаба Г. Г. Милеанта. Однако попытка Я. Г. Жилинского переложить на подчиненного всю вину провалилась. После посещения штаба 1-й армии Н. Н. Янушкевич донес, что, по его мнению, командующий остался тем, кем был (хотя учитывая, мягко говоря, «прохладное» отношение к нему в Ставке, весьма сомнительно, что в этих словах речь шла о «полководческих талантах»), а должность потерял сам Я. Г. Жилинский. Еще ранее П. К. фон Ренненкампф начал вести интригу против него через близких ко двору лиц — генерала В. Н. Орлова (начальник военно-походной канцелярии императора) и генерала С. С. Джунковского². Главкомандующий обвинялся во враждебности к П. К. фон Ренненкампфу, а также в том, что не позволил ему прийти на помощь А. В. Самсонову. Естественно, что на него же, Жилинского, возлагалась вина и за неудачи 1-й армии. Тот факт, что интрига шла параллельно с бодрыми донесениями самого П. К. фон Ренненкампфа в штаб фронта, заставляет предположить, что избранная тональность последних была продуманным шагом. Если поражение неминуемо, то ключевой вопрос состоит в том, кто будет нести ответственность. Немалую роль в ее перекладывании на штаб фронта сыграли и близкие к командующему 1-й армией люди, а именно кн. Белосельский-Белозерский. О его активности писал протопресвитер русской армии Г. Шавельский, который в то время находился в Ставке: «Везде, где только можно: при Дворе, в Ставке, среди знакомых он настойчиво трубил об удивительных дарованиях генерала Ренненкампфа,

¹ Восточно-Прусская операция: сборник документов. С. 395.

² См: Л. С. Из деятельности генерала Ренненкампфа // Сборник статей по военному искусству. М., 1921. С. 169–191.

потерпевшего неудачу вследствие бездарности других генералов»¹. Впрочем, для Я. Г. Жилинского ситуация в любом случае была проигрышна, т. к. убрать Ренненкампфа не удалось даже вел. кн. Николаю Николаевичу. Как вспоминал Ю. Н. Данилов: «представление Верховного Главнокомандующего об отчислении генерала Ренненкампфа было предупреждено Высочайшей телеграммой с крайне неожиданным советом — вверить генералу Ренненкампфу главнокомандование армиями <...> фронта»². Конечно, этого не сделали, поставив во главе Северо-Западного фронта героя галицийских боев генерала Н. В. Рузского.

Таким образом, Восточно-Прусская операция завершилась поражением. Корни этого лежат не только в достоинствах противника, но и в особенностях русского оперативного руководства. Та аналитическая работа, что проводилась до войны, лишь в общих чертах была известна тем, кто отвечал за стратегию и принятие принципиальных решений. С самого начала Ставка находилась в предвкушении победы, прорабатывая планы второго наступления в Германию, но при этом тратя силы и отвлекая внимание на третьестепенные угрозы. Штаб Северо-Западного фронта предпочел играть роль передатчика воли сверху, а наступательным порывом были охвачены не только П. К. фон Ренненкампф, но и первоначально А. В. Самсонов.

Нередко приходилось встречать утверждение, будто они не были подготовлены к своим должностям. На наш взгляд, это не более чем «послезнание». На момент назначения оба имели опыт как командования соединениями в боевых условиях, так и руководства военными округами. Проблема заключалась в том, что полученный боевой опыт шел скорее во вред: оба генерала, отличавшиеся личной доблестью, оказались в положении, когда от них требовались системная работа и глубокий анализ постоянно меняющейся ситуации. Показательно их поведение в кризисных ситуациях, обнажающих подлинные способности: и П. К. фон Ренненкампф, и

¹ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. С. 156.

² *Данилов Ю. Н.* Указ. соч. С. 192.

А. В. Самсонов предпочли поехать на передовую, в центральные корпуса, дабы руководить возможным наступлением. Мы не видим ничего принципиально плохого в проявляемом оптимизме, задача полководца — навязывать собственную волю ситуации, а не досконально ее изучать. Однако подобными действиями они, командуя армиями, превращались в командиров ударной группы, теряя управление войсками. Генералу П. К. фон Ренненкампу явным образом не хватало силы воли, о чем свидетельствует его поведение 27–30 августа (9–12 сентября) — метания по фронту, обвинения подчиненных в неудачах и сумбурные телеграммы, обещающие скорое наступление. Свойственные приказам командующего высокопарность и боевитость скорее скрывали тот факт, что действовать решительно он мог лишь от случая к случаю, но вовсе не систематически.

Первые успехи лишь укрепили веру в скорую победу, даже 13 (26) августа, в первый день Танненбергского сражения, Ю. Н. Данилов не хотел ничего слышать об опасности левому флангу 2-й армии, спустя несколько дней он продолжал выказывать уверенность в успехе. Возвращение к реальности было жестоким, причем штаб фронта, привыкший ориентироваться на указания сверху, не нашел ничего лучше, нежели послать генерал-квартирмейстера в Ставку за указаниями, что вызвало удивление у Верховного Главнокомандующего. С административной точки зрения шаг вполне логичный: в условиях кризиса переложить на начальника принятие решений, а не пытаться самому принимать их и нести ответственность. Полученным инструкциям, особенно в части продолжить оборонять занятые рубежи, Я. Г. Жилинский и П. К. фон Ренненкампф продолжали придерживаться и далее, даже когда их ближайшие помощники справедливо указывали на более подходящий для обстановки образ действий.

Административно-бюрократическая «покорность», как это часто и бывает, ярким образом дополнялась в переписке то подчеркиванием побед (до Танненберга), то проявлением готовности вести решительное наступление, которое оставалось достоянием телеграмм, ибо мало сопрягалось с реальным положением. Этот образ действий характерен и для

Я. Г. Жилинского, который и накануне немецкого наступления, и в кризисный период обещал поддержку со стороны 10-й армии, и для П. К. фон Ренненкампа, убежденного в стойкости своих корпусов, а затем излучавшего оптимизм, даже когда полностью потерял управление войсками. Впрочем, к боевитому настрою в телеграммах 29–30 августа (11–12 сентября), вероятно, нужно относиться с долей скептицизма, поскольку уже параллельно командующий 1-й армией вел интригу с целью переложить ответственность за положение на штаб фронта. Мы предполагаем, что перед Я. Г. Жилинским он не мог напрямую признать всю тяжесть положения, а наоборот, стремился до последнего демонстрировать готовность наступать, чтобы затем обвинить последнего в неудачах. В конечном счете после того, как 27 августа (9 сентября) невозможность поддержки со стороны 10-й армии стала очевидной, у командующего 1-й армией были основания считать себя обманутым главнокомандующим и действовать соответственно.

В эти последние августовские дни победителем политико-бюрократической схватки оказался П. К. фон Ренненкампа, однако подлинным проигравшим — русская армия. Его войска во время отступления потеряли до 85 тыс. человек, а за время всей операции — 1 826 офицеров и 115 374 нижних чина. Общие потери всего фронта составили до 242 тыс. человек (из них 135 тыс. пленными), 474 орудия и более 300 пулеметов. Немцы потеряли до 42,5 тыс. человек, 37 орудий и 17 пулеметов¹. Тот контекст, в котором руководители русской армии жили и принимали решения, имел мало общего с обстановкой на фронте. И вопрос тут нельзя сводить только к недостатку сведений о противнике и объективному временному разрыву между изменением положения на фронте и моментом, когда об этом узнают в вышестоящих штабах. Забота о поддержании авторитета начальства в тот день, когда большая часть храбрых войск превратилась в толпу, ярким образом указывает на ту ментальную дистанцию, которая лежала между командующими и теми, кто кровью расплачивался за их решения.

¹ *Нелипович С. Г. Указ. соч. С. 93, 97, 98.*